

Наталя Александрова

Сокровище чародея

Роковой артефакт

Наталья Александрова

Сокровище чародея

«Издательство АСТ»

2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Александрова Н. Н.

Сокровище чародея / Н. Н. Александрова — «Издательство АСТ», 2022 — (Роковой артефакт)

ISBN 978-5-17-149316-5

Португальский король Педру после смерти своей фаворитки Инес де Кастро был так безутешен, что не смог смириться со смертью возлюбленной, а сочетался с ней, мертвой, узами законного брака, короновал труп и приказал всем своим придворным принести ей клятву верности. Однако бытует легенда, что Инес вовсе не умерла: ее чувства к королю были столь сильны, что она преодолела саму смерть и с помощью чудодейственного снадобья обрела вечную жизнь. Таинственная история любви португальских Ромео и Джульетты нашла неожиданное продолжение в наши дни. И конечно, питерская домохозяйка Надежда Лебедева не могла остаться в стороне. А началось все с того, что Надежду через соцсети разыскал друг детства, с которым она не виделась сорок лет, и предложил встретиться...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-149316-5

© Александрова Н. Н., 2022
© Издательство АСТ, 2022

Наталья Александрова

Сокровище чародея

© Н. Александрова, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

– Нет, ну все-таки какие умные современные дети! – сказала Надежда Николаевна рыжему пушистому котяре, который вольготно развалился в кресле на кухне.

Кресло было старое, здорово потрепанное, хранившее на обивке следы кошачьих когтей. Его держали исключительно для кота, который якобы точил об него когти. Во всяком случае, так считал муж Надежды Сан Саныч. Надежда же прекрасно знала, что хулиган Бейсик точит когти обо что угодно: и об дверные косяки, и о коврики в ванной, и о ножки туалетного столика в спальне. Доставалось даже покрывалу на кровати, но с этим Надежда смирилась. Однако один архиважный вопрос остро стоял на повестке дня.

Дело в том, что некоторое время назад супруги Лебедевы въехали в квартиру сына Сан Саныча, который жил и работал в Канаде. А невестка перед самым отъездом купила супердорогую мебель для гостиной – кожаные диван и два кресла цвета топленого молока. Кот, увидев мебель, безумно обрадовался такому простору, и только отличная реакция Сан Саныча спасла диван. С тех пор Надежда не знала ни минуты покоя: хоть с невесткой у нее и были хорошие отношения, но если кот добьется своего, то на дружбе можно будет поставить крест.

Сан Саныч, правда, утверждал, что провел с Бейсиком серьезную профилактическую беседу и что тот якобы дал ему честное благородное слово мебель не трогать, но Надежда только хмыкала в ответ: она прекрасно знала своего кота и знала, что, как сапер, может ошибиться только один раз. Поэтому всегда была настороже.

В данную минуту Надежда Николаевна ощущала небольшую передышку: гостиная заперта на ключ (поворачивать ручку двери способный котяра научился давно), квартира убрана, в кухне тепло и уютно похрюкивает холодильник, Бейсик накормлен и дремлет в кресле.

Слова восхищения современными детьми были адресованы соседскому мальчишке Димке, который установил ей новый мессенджер. Надежда Николаевна хоть и проработала много лет инженером, в компьютерах не то чтобы не разбиралась, но была, по-современному выражаясь, юзером, то есть умела более-менее им пользоваться. Что до остального, то ей было как-то недосуг разбираться, тем более она справедливо полагала, что есть люди, которые делают все, что надо, гораздо лучше ее.

Сан Саныч работал заместителем директора довольно крупной компьютерной фирмы и был в своем деле асом, но обращаться к нему Надежда не хотела. Муж, конечно, ничего не скажет, но посмотрит покровительственно: мол, самых элементарных вещей не знаешь, а этого допускать было нельзя. Существовала и еще одна причина, по которой Надежда не хотела, чтобы Сан Саныч рыскал в ее компьютере.

После того как несколько лет назад Надежду Николаевну уволили из института, где она проработала больше двадцати лет (увольнили по сокращению штатов, а не из-за профнепригодности), она осела дома. Опять же, муж настоял, так как хотел получить спокойную ласковую жену, которая печет пироги и никуда не торопится. И Сан Саныч все это получил. Правда, увлечение выпечкой оказалось чревато: муж по-прежнему был подтянут и худощав, а вот у Надежды пироги начали откладываться на боках.

К тому же через некоторое время Надежда Николаевна осознала, что так жить невыносимо скучно. И судьба очень услужливо предложила ей хобби, которое Надежда просто обожала, – а именно расследовать разные криминальные дела. Причем вляпывалась она в эти истории с завидным постоянством, как будто там, наверху, приставленный к ней ангел или кто там еще тщательно и неустанно следил, чтобы Надежда Николаевна не оставалась без работы.

Точнее, слово «работа» в данном случае было не совсем уместным, ведь за нее человек получает деньги. Надежда же в своих расследованиях частенько еще и докладывала, и никто накладные расходы ей не возмещал. Начиналось все довольно невинно: кому-то из близких друзей или родственников требовалась помощь (недаром в народе говорят: от суммы и от тюрьмы не зарекайся), потом эти знакомые рекомендовали Надежду своим знакомым или родственникам, и по городу поползли слухи. А учитывая телефон и социальные сети, и не только по городу.

В общем, Надежда не имела ничего против, если бы не одно «но»: она безумно боялась, что о ее сомнительном хобби узнает муж. Сан Саныч с самого начала его не одобрял, считая, и не без основания, что это опасно и что рано или поздно его авантюристке-жене мало не покажется.

Сан Саныч был спокойным и уравновешенным человеком и жену очень любил, но были в его жизни два камня преткновения: он просто до неприличия обожал их кота Бейсика и безумно боялся, что Надеждины расследования кончатся плохо. А посему вел себя неприступно строго и даже пару раз устроил грандиозный скандал, что при его покладистом характере говорило о многом.

В конце концов Надежда приняла мудрое решение – мужу про свои расследования ничего не рассказывать. Не врать, а просто помалкивать. И тщательно следила, чтобы через их общих знакомых тоже ничего не просачивалось. С трудом, но пока держать оборону удавалось.

Именно поэтому Надежда Николаевна и не хотела, чтобы Сан Саныч заглядывал в ее компьютер. Вдруг он своим опытным взглядом сумеет обнаружить что-то криминальное?..

В общем, новый мессенджер ей установил Димка с верхнего этажа. Юное дарование пятнадцати лет прекрасно умело делать все, что касалось компьютера. А Надежда за это занималась с ним математикой и, надо сказать, вытянула парня на твердую четверку.

Помянув Димку добрым словом, Надежда Николаевна принялась читать посыпавшиеся сообщения. Все они были от знакомых, которые приветствовали Надежду. Кто-то радостно, кто-то довольно ехидно: мол, наконец-то, давно пора, а то живешь, как в каменном веке, еще бы по телефону всем звонила, а это вообще отстой.

Надежда на это только хмыкнула и заинтересовалась новым сообщением. Имя отправителя – Cvadrat – было написано латиницей, дальше шел стикер: симпатичный волк размахивал флажком, приветствуя Надежду.

«Кто такой?» – подумала Надежда Николаевна, пожав плечами, и написала своей закадычной подруге Алке, что надо бы увидеться, а то сто лет не встречались, так вообще можно и лицо забыть.

Алка, естественно, не ответила – она работала в школе завучем и была загружена сверх меры. При этом чувствовала себя там как рыба в воде, так как при ее энергии только на такой работе и можно было существовать.

Волк на стикере принялся размахивать флажком еще интенсивнее, из чего Надежда сделала вывод, что этот Квадрат чего-то от нее хочет. Ну да, вот и сообщение появилось:

«Привет! Ты меня не помнишь?»

– А должна? – спросила себя Надежда в полном удивлении, так что даже кот, который тонко разбирался в интонациях своей хозяйки, приподнял ухо и приоткрыл один глаз.

Надежда Николаевна не любила зависать в сетях и болтать с незнакомыми людьми, считая это пустой тратой времени. Поэтому решила не отвечать. С другой стороны, как-то неудобно получалось...

Словно в ответ на ее мысли, пришло еще одно сообщение:

«Надя, я – Петя Квадратов, мы когда-то учились вместе в школе. Теперь вспомнила?»

Что-то такое забрезжило в ее памяти. Не в старших классах, а в начальной школе действительно учился такой мальчик Петя Квадратов – толстенький солидный мальчишка в очках. А голова у него была квадратная, так что он вполне своей фамилии соответствовал. Конечно, ему тут же дали кличку Квадрат. И кажется, мальчишки его обижали, потому что Петя был мирный, ни в футбол, ни в хоккей не играл, а все книжки читал.

Они с Надеждой на этой почве и подружились и вместе ходили в библиотеку, а поскольку пускали их только раз в неделю и выдавали по одной книжке, то приходилось меняться. Потом они стали меняться и своими книжками. В общем, не то чтобы дружили, но были у них какое-то время общие интересы.

Когда выяснилось, что отчество у Пети Родионович, то молодой математик, который одно время замещал их заболевшую учительницу, назвал Петьку Пи Эр Квадрат. Дети тогда не поняли, что это значит, но кличка прилипла намертво.

Петя Квадратов, ну надо же...

«Господи, ну конечно вспомнила! – написала Надежда. – Петя, это ты?»

«Я, и ужасно рад, что нашел тебя в этом мессенджере».

«И я рада», – из вежливости написала Надежда.

На самом деле особой радости она не испытывала. Не вспоминала про этого Петьку сто лет – так и что?

Они вместе учились только в начальной школе, потом семья Пети переехала куда-то в другой город. Не то отец был военным и его перевели в другой гарнизон, не то еще что-то случилось, в общем, после четвертого класса Петя с ними уже не учился. Они узнали об этом только осенью, он и не попрощался ни с кем. И что-то такое было еще... но Надежда не могла вспомнить, что именно.

«Петя, а ты вообще где? – спросила она. – В какой стране, в каком городе?»

«Как где? Дома, в Питере. Где мне еще быть-то?..»

Вот интересно, лет сорок назад они всей семьей уехали, причем далеко... Хотя «Что такое Далеко?», вспомнила она детский стишок. Самолеты-то уже и тогда летали. А потом, значит, Петина семья вернулась, но он никак не проявился. Ну, тогда еще не было социальных сетей и мобильной связи...

«Как живешь, с кем? Семья, дети?..» – задала Надежда традиционные вопросы.

«Да все хорошо. – Было такое чувство, что он отмахнулся. – Надя, я так рад, что ты есть. Я тебя искал. Слушай, давай встретимся!»

«Зачем?» – едва не отстучала Надежда на клавиатуре, но в последний момент остановилась.

А вот этого не надо. Она вообще не слишком доверяла друзьям детства. Друзья – это те, с кем поддерживаешь отношения всю жизнь, у вас общие интересы, общие воспоминания, ты видишь, как они взрослеют вместе с тобой, ты многое им прощаешь. А если, как говорил ее приятель Валя Голубев, вы в детском саду сидели на соседних горшках, это вовсе не повод при

встрече кидаться друг другу в объятия. Может, этот тип стал алкоголиком и женоненавистником или просто имеет такой отвратительный характер, что три жены его бросили?

Так что, прежде чем возобновлять знакомство, следовало быть очень осторожной.

Очевидно, Квадратов понял, что Надежда колеблется, потому что сменил тактику.

«Я часто тебя вспоминал, возраст, что ли, такой, что детство видится близко. Так случилось, что я сейчас один, только ты не подумай, что я навязываюсь...»

Надежда Николаевна именно так и подумала, но тотчас же устыдилась своих мыслей. Может, у человека и правда просто депрессия, его бросила жена и отвернулись друзья?

Да, но она-то при чем? Они не виделись с Петей Квадратовым... дай бог памяти... да лет сорок уже! И что, теперь нужно его утешать? И возраст тут был совершенно не важен. Что она, старушка, что ли, чтобы детство золотое вспоминать со слезами? У нее и так забот хватает.

«Вот именно!» – это кот перевернулся в кресле, затем вытянул вперед лапы, а потом, наоборот, «сделал верблюда» и посмотрел на Надежду совершенно не сонными глазами.

Надежда Николаевна давно подозревала, что Бейсик понимает человеческую речь, а Сан Саныч был просто в этом уверен. Но чтобы кот научился читать мысли... «Надо Саше обязательно об этом рассказать», – подумала Надежда, но тут же поняла, что не будет ничего рассказывать, потому что тогда придется рассказать и про Петю Квадратова. В общем-то, никакого криминала в этом не было – подумаешь, школьного приятеля в соцсетях нашла, но слишком глубоко укоренилось в ее душе правило: помалкивать о своих делах. Хотя пока и дел-то никаких не было...

Пришло еще одно сообщение:

«Извини, что я так сразу... Понимаешь, у меня ведь в начальной школе отношения с ребятами не сложились. Только тебя и помню, поскольку мы книжками увлекались...»

«Ну да! – Надежда обрадовалась, что он сменил тему. – А помнишь, как Шапокляк нас в библиотеке заперла?»

Библиотекарша в школе была жутко противной теткой, которая, как теперь понимала Надежда, книги не любила, а детей так просто ненавидела. Причем старшие хотя бы могли за себя постоять и добиться нужных книг и учебников, а маленьких она гнобила как могла. Установила правило, чтобы приходили только один раз в неделю, и давала в одни руки не больше одной книги. Да еще и шипела, как гремучая змея. Дети прозвали ее старухой Шапокляк, хотя похожа она была на крысу.

Сколько детей отвадила эта, с позволения сказать, библиотекарша от чтения – лучше и не считать, но с Надеждой и Петей у нее этот номер не прошел. Как уже говорилось, они обменивались книжками, а один раз Петька уговорил Надю пойти на преступление.

Дело было так. Петька взял в библиотеке повесть «Кортик» – про то, как мальчишки искали сокровище. Были там и шифры, и карты, в общем, очень интересно. Затем передал «Кортик» Надежде, а сам хотел взять продолжение – повесть «Бронзовая птица». Но противная старушенция книгу ему не дала, сказав, что вернут ее только завтра. Петька попросил разрешения прийти на следующий день, но ведьма уперлась: раз положено маленьким приходиться во вторник, стало быть, так и будет.

Петька расстроился, поскольку существовала вероятность, что через неделю книжку снова кто-то заберет, а библиотекарша из вредности не стала бы ее откладывать. И вот тогда решился заветную книгу украсть. «Прочитаем – и на место вернем!» – отмахнулся он от Нади, которая все же сомневалась в правильности такого поступка.

План был прост, как все гениальное: парочка придет перед закрытием библиотеки, Надя отвлечет библиотекаршу пустяковым вопросом, а Петька проберется к стеллажам, спрячет «Бронзовую птицу» под рубашку и тихонько выйдет. После чего Наде останется только спокойно ретироваться.

Поначалу все шло хорошо. Надя спросила, дадут ли ей почитать «Трех мушкетеров», хотя к тому времени эту книгу уже прочла, правда, не все поняла. Библиотекарша же от этого вопроса вошла в раж.

«Может, тебе еще Бальзака дать почитать?! – зашипела она. – Или Мопассана, в десять-то лет?»

Надя смиренно слушала отповедь, но вдруг Шапокляк остановилась на полуслове, прижала руки к груди, ойкнула и понеслась прочь из библиотеки. Как потом поняла Надежда, у нее элементарно прихватило живот.

Надя пробралась за стеллажи и нашла там чертыхающегося Петьку: ведьма из вредности переставила книги или вообще спрятала «Бронзовую птицу». Пока они искали, кто-то вошел в библиотеку, а потом вышел, захлопнув входную дверь. Очевидно, Шапокляк решила от греха подальше идти домой.

Когда преступная парочка добралась до двери, та оказалась заперта, а в коридоре уже никого не было. Петька нашел свою книгу и, пока еще было светло, устроился у окна читать. Надя же испугалась, что мама будет волноваться, а потом, когда их тут найдут, ей же еще и влетит. Могут и из школы исключить. А если до утра не найдут? Это вообще кошмар.

Через полчаса она уже была готова на все, только бы выйти на свободу. Хотелось есть, пить, в туалет, было холодно и очень страшно.

Даже сейчас, вспомнив темнеющий зал библиотеки, Надежда Николаевна слегка передернула плечами, как от озноба.

«Конечно, помню, – пришло сообщение от Пети. – Мы с тобой вылезли в окно, никто и не заметил».

Вот как... Надежда нахмурилась. Как это они могли вылезти в окно, если библиотека находилась на третьем этаже?

Тогда, после получасового стука ногами и кулаками в дверь, их выпустил завхоз Степан Иванович, который проходил мимо. А когда узнал, что их заперла библиотекарша, даже обрадовался – видно, у Шапокляк и с завхозом были контры. Степан Иванович довел их до двери и порывался проводить до дома, еле от него отвязались. Странно, что Петька этого не помнил. Впрочем, человеческая память – вещь избирательная. Надежда не стала его поправлять.

«Надя, вот как раз по поводу книжек... Просто не знаю, как тебе сказать...»

– Да говори как есть, – пробормотала Надежда, уже сообразив, что не просто так Петя распинаятся, что-то ему от нее нужно.

«Помнишь, когда мы менялись книжками, я давал тебе одну такую книгу, очень старую... я понимаю, что это было давно, но вдруг она сохранилась?»

Точно. Надежда вспомнила, что как-то Петька действительно дал ей одну старую книгу, дореволюционного издания, с ятями, что поначалу очень мешало Надежде читать. Названия она не знала, потому что у книги не было обложки, как и первых страниц. Рассказывалось в ней о девочке, живущей в дореволюционном Петербурге, и у них снимал комнату один жилец, который вел себя странно и вообще был очень подозрительный. Девочка очень любила приключения и считала жильца бывшим пиратом.

Были в книге и картинки: красивые черно-белые гравюры. Что там происходило дальше с той девочкой, Надежда Николаевна помнила смутно.

Когда Петя с семьей неожиданно уехал, книга осталась у Надежды. Потом ее нашла мать и очень ругалась – судя по всему, книга могла быть ценной, и получалось, что Надежда ее зажилила. А они в жизни чужого не брали. В общем, мать здорово разозлилась, а потом спрятала книгу в надежде, что Квадратовы вернутся.

«Даже не знаю... – на всякий случай ответила Надежда. – Столько лет с тех пор прошло... Ту книжку я помню, конечно, но вот где она может быть, ума не приложу... Столько раз с тех пор переезжала, два раза замуж выходила...»

На самом деле Надежда Николаевна прекрасно знала, что книга находится у матери. А что такого? Мать никуда не переезжала, так и осталась в двухкомнатной квартире, где они жили когда-то втроем, а если что-то и выбрасывала, то уж точно не книги.

«Надя, эта книга мне очень нужна! Если есть возможность ее найти, прошу, помоги!»

Машинально Надежда отметила, что ее личная жизнь Квадратова совершенно не интересовала. Сколько у нее было мужей, сколько детей-внуков – совершенно без разницы. Его интересовала только старая книга. Что ж, тут он в своем праве, хочет получить назад свою вещь. И Надежда ее вернет.

«Я поищу, – написала она. – Сегодня не смогу, давай спишемся завтра...»

«Только не тяни!» – с этими словами Петя отключился.

– Не слишком-то он любезен, – вздохнула Надежда и подумала, что, может, это и к лучшему. Вернет она ему книгу, да и забудут они друг о друге.

Кот снова проснулся и посмотрел одобрительно: правильное решение приняла.

– Тебя не спросила! – сказала Надежда, чтобы оставить за собой последнее слово.

Тут позвонила подруга Алка.

– Что у тебя стряслось? Зачем я тебе нужна? – Как всегда, в разговоре Алка сразу брала быка за рога.

– Да ничего не стряслось, просто давно не виделись, – растерялась Надежда. – Что у тебя нового?

Выяснилось, что все то же самое – в школе полный кошмар, дома кавардак, сил и времени на домашнее хозяйство не хватает.

– Слушай, знаешь, кто мне написал? – заговорила наконец Надежда. – Помнишь такого Петю Квадратова? Мы с ним до четвертого класса учились.

С Алкой они сели за одну парту в первом классе, так что она должна была помнить, что немедленно и подтвердилось.

– Петю? Квадратова? Да ведь он погиб много лет назад!

– Как это? Я с ним только что переписывалась...

– Слушай, мы же в одном доме жили, только парадные разные. Потом они вдруг уехали... вот куда, точно не помню, в небольшой какой-то город где-то в провинции, вроде бы его мать, Петькина, оттуда родом была. А жили они в коммуналке, две комнаты у них было, а в третьей – соседка тетя Лина. И вот как-то осенью шли мы с мамой по двору и встретили эту самую тетю Лину, а она плачет. Говорит, письмо получила от соседей этих Квадратовых. Пишут, что вся семья погибла. Не то газ в доме взорвался, не то еще что... В общем, как заметили они, что я слушаю, так мама мне и сказала: иди, Алла, поиграй вон на площадке. А сама давай с тетей Линой шептаться. Ну потом я, конечно, спрашивала, а мама отмахнулась, не ответила ничего. И все забылось.

– Слушай, но как же так?.. Не может быть... Может, они что-то напутали... Петька со мной связался, все помнит про школу... А нельзя это поточнее выяснить?

– Я позвоню тете Лине, она жива и при памяти, так что все у нее узнаю в подробностях.

– Только не тяни...

Отчего-то Надежде стало тревожно, и она перечитала все сообщения от Пети. Вроде бы ничего особенного, вот только не помнил он про то, как из библиотеки выбирались. Ну, это как раз было понятно: мужчины мелочи не запоминают. Небось и имя той злыдни-библиотекарши забыл. А Надежда ее еще несколько лет терпела, пока новый директор ее не уволил и порядка в школе стало больше.

Так или иначе, а следовало найти ту книгу, которую она когда-то у Петьки зажилила без злого умысла. Правильно мать тогда сказала: в жизни они чужого не брали, так что нужно вернуть книгу владельцу хотя бы и через столько лет.

Не откладывая дело в долгий ящик, Надежда Николаевна позвонила матери.

Та, как обычно, ответила таким голосом, словно была ужасно занята, и дочь оторвала ее от важного и неотложного дела. Впрочем, Татьяна Васильевна и правда вела активный образ жизни: посещала какие-то курсы, гуляла со скандинавскими палками в группе и ездила на бесплатные занятия физкультурой к специальному тренеру, которому доверяла.

– Что у тебя? Долго говорить не могу...

– Да чем таким ты занята? – Надежда не сумела сдержать обиду, в который раз наступая на те же грабли.

– Мало ли чем... – уклончиво ответила мать, но все же нехотя пояснила: – Скоро начнется моя любимая передача. Из жизни млекопитающих. Так что ты покороче.

– Я коротко, – Надежда подхватила ее тон. – Ты ведь никогда ничего не выбрасываешь...

– Допустим, – голос матери стал напряженным, поскольку этот вопрос они обсуждали не раз и придерживались по нему противоположных мнений.

Надежда утверждала, что нужно избавляться от ненужных вещей – ну если не выбрасывать, то отдавать кому-то. В конце концов, даже на свалке всему найдется применение, как объяснил ей когда-то дворник. Мать вроде бы с ней соглашалась, и особого хлама у нее в квартире не водилось, и балкон не был завален, но книги составляли исключение.

– Я не могу выбросить книги! – заявляла мать твердо. – Так меня воспитали!

Со стороны это звучало нормально, пусть и слишком пафосно, но дело было в том, что мать всю жизнь преподавала в университете иностранный язык, и книг в ее доме скопилось ужасное количество. Учебники, пособия, грамматические таблицы и словари за эти годы катастрофически устарели, но мать ни за что не желала сдать их в макулатуру. Когда Надежда настаивала и заговаривала на повышенных тонах, в ход шел запрещенный прием.

– Вот когда я умру... – начинала мать зловещим голосом, – ты можешь делать все, что хочешь. Выбросить книги, семейные фотографии, вот эту картину, что подарил мне твой отец, ковер, за которым мы стояли в очереди больше двух лет, бабушкины вышивки...

В конце концов Надежда сдалась и больше таких разговоров не заводила.

– Так в чем дело? – спросила мать недовольно. – Что еще ты придумала?

– Когда-то, очень давно, еще в третьем или четвертом классе, я брала почитать книжку у своего одноклассника. Так вот, он объявился и просит ее вернуть.

– Что? – недоверчиво переспросила мать. – В третьем классе? Ты это серьезно?

– Представляешь – да! Только кажется в четвертом...

– Так это сколько же лет прошло!..

– Не будем уточнять.

– Ладно, не будем. Так чего ты от меня хочешь?

– Может быть, эта книжка у тебя сохранилась? Ведь ты никогда ничего не выбрасываешь! Мам, это важно! Книжка старинная, ты еще ругалась тогда, что я ее вроде зажилила...

– Если она была у меня – значит, сохранилась. Приезжай и поищи, а я разговаривать больше не могу...

– Ладно, иди к своим млекопитающим!

По дороге к матери Надежда Николаевна заглянула в пекарню и, не удержавшись, купила несколько булочек со сливками. Она старалась не злоупотреблять мучным, поскольку следила за своим весом и избегала лишних калорий, но тут решила, что под булочки разговор пройдет легче.

Чтобы не заставлять мать лишний раз ходить по квартире, Надежда открыла дверь собственным ключом. Кроме того, у матери, как всегда, громко работал телевизор, так что звонок она просто не услышала бы.

Однако это оказалось ошибкой – Татьяна Васильевна вышла из кухни и, увидев ее в прихожей, схватилась за сердце:

– Боже мой, это ты? Как ты меня испугала! Неужели нельзя было позвонить в звонок, как все нормальные люди!

Из-за включенного телевизора мать говорила громче, чем обычно, поэтому казалось, что она чем-то недовольна.

– Мама, ну не сердись. Я просто не хотела тебя лишний раз беспокоить. Раз уж у меня есть свои ключи.

– Да я вовсе и не сержусь – с чего ты взяла?

– А что ж ты говоришь на повышенных тонах?

– Ну, это из-за телевизора. Хотя ты только представь – я выхожу в собственную прихожую и вижу там неизвестно кого...

– Как это – неизвестно? Ты видишь собственную дочь. А кого же еще? И потом, звонок ты могла не услышать...

– Это как понимать? Ты хочешь сказать, что я – глухая старуха?! Вот спасибо!

– Ну что ты, мама, ничего такого я не имела в виду. Может быть, убавить звук телевизора хотя бы немного?

– Убавить? Но тогда я ничего не услышу...

– А может, и не надо? – осторожно заикнулась Надежда.

– Как это – не надо? Я и так живу одна, как отшельник... отшельница, а телевизор дает мне хоть какую-то иллюзию общения... мне кажется, что я не одна в доме...

Татьяна Васильевна много лет проработала преподавателем в вузе и поэтому умела и любила красиво выражаться.

– Ну, сейчас-то я к тебе приехала, так что можно обойтись без такой иллюзии...

Мать недовольно проворчала, что дочь приехала к ней исключительно по делу, однако телевизор все же выключила.

Они прошли на кухню, мать включила электрический чайник, а Надежда поставила на стол коробку с булочками. Татьяна Васильевна, конечно, завздыхала, что мучное вредно, а жирное – тем более, но тут же, не дожидаясь чая, схватила одну булочку и откусила от нее половину.

– Фкуфно, но фведно!.. – пробубнила она с полным ртом.

– Что?

– Вкусно, но вредно!

– Тебе-то ничего не вредно! – вздохнула Надежда, с завистью взглянув на мать. Несмотря на солидный возраст, лишнего веса у нее практически не было.

– Нужно больше двигаться! – заявила мать авторитетно. – Я гуляю каждый день, минимум по часу. А ты небось часами просиживаешь перед компьютером!

«Знала бы ты, сколько я бегаю! – подумала Надежда, вспомнив о своем необычном хобби. – Но вес почему-то не убавляется!»

– Так что ты хотела найти? – вспомнила мать, управившись с третьей булочкой и в сомнениях взглянув на четвертую.

– Книжку, которую мне дал один мальчик в четвертом классе. Представляешь, он мне позвонил и напомнил об этой книжке. Знаешь, как неудобно...

– Странно как-то. Вспомнить о книжке через столько лет! Но если это было в четвертом классе, значит... – Татьяна Васильевна ненадолго задумалась и вдруг, засияв, придвинула табуретку к антресоли: – Я знаю, где это!

– Стой, куда ты!

Надежда попыталась ее остановить, но мать уже влезла на табуретку и открыла антресоль.

– Зачем ты полезла, я бы сама! Тебе такая акробатика уже не по возрасту!

– Что за неуместные намеки на возраст? – возмущенно пропыхтела мать. – Женщине столько лет, на сколько она себя чувствует!

– А если она впадает в детство? – сдуру ляпнула Надежда.

– Что-о?! – воскликнула Татьяна Васильевна, но, к счастью, тут же переключилась на другую тему: – На, держи! Это то, что относится к начальной школе!

Надежда приняла из рук матери коробку и тут же чихнула – на коробке и ее содержимом лежал толстый слой пыли.

– Ну вот, заодно и пыль вытрем! – жизнерадостно проговорила мать. – Совместим приятное с полезным! Действительно, я здесь уже столько лет не прибиралась...

Она слезла с табуретки, вооружилась влажной тряпкой и приступила к обследованию содержимого коробки.

Сверху лежала большая стопка тетрадей.

– Арифметика, чистописание, русский язык... – читала Надежда на обложках. – Мама, зачем ты все это хранишь?

– Как – зачем? Да ты только посмотри, какой у тебя был аккуратный почерк! Это же просто загляденье! Прекрасный материал для воспитания детей! Они посмотрят на эти тетрадки и тоже будут стараться писать красиво!

– Это вряд ли. Современные дети скоро совсем разучатся писать от руки, только на компьютере.

– И очень жаль!

– Жаль не жаль, но против прогресса не попрешь. Время невозможно остановить... А это что такое?

Под стопкой ученических тетрадей обнаружилась еще одна тетрадка – потолще, в красивой розовой обложке, с наклеенной на нее бумажной розой.

– Песенник... – удивленно прочитала Надежда.

Внутри тем же аккуратным девичьим почерком были записаны тексты песен, и на каждой странице наклеены вырезанные из открыток цветы.

– Это что, я делала? – искренне удивилась Надежда.

– Ну а кто же еще? У меня одна дочь, только ты!

Надежда прочитала:

Раз-два, туфли надень-ка,
Как тебе не стыдно спать!
Славная, милая, смешная енька
Нас приглашает танцевать...

Она хмыкнула и захлопнула песенник, подняв тучу пыли.

– Все это очень мило, но той книжки здесь нет.

– А была ли она вообще, эта книжка? Ты ведь даже название не можешь вспомнить!

– Та книжка была без обложки... и такая... старинная, шрифт там с ятями и гравюры...

– Ах, без обложки! – мать снова оживилась. – Тогда я знаю, где ее искать! Она наверняка в кладовке, туда я сложила все книги, которые нуждаются в реставрации!

Татьяна Васильевна бодро устремилась в прихожую, открыла кладовку и вытащила оттуда еще одну пыльную коробку, в которую были сложены книги без обложек, с порванными переплетами и прочими подобными увечьями.

– Но это-то ты зачем хранишь? – искренне удивилась Надежда. – Всем этим книгам давно пора на помойку!

– Я не могу выбросить книгу! – с пафосом произнесла мать. – Над каждой книгой трудилось столько людей! Сначала – писатель, потом – редактор, наборщик, верстальщик... ну и другие типографские работники. Труд этих людей нужно уважать!

Надежда знала, что не надо спорить и возражать, и все же не удержалась:

- Мама, наборщиков и верстальщиков давно нет. Эту работу делает компьютер.
- Неважно! Его труд тоже нужно уважать. И каждая книга кому-то может понадобиться!
- Ну кому может понадобиться справочник фрезеровщика? – проговорила Надежда,

вынимая из коробки толстую книгу с оторванным переплетом.

- Фрезеровщику, – ответила мать, не раздумывая.
- Ну или вот это – «Черви и членистоногие Южной Сибири и Восточного Урала»...
- Кому-то понадобится! А вот, кстати, это не та книга, которую ты искала?

С этими словами Татьяна Васильевна вытащила из коробки книгу небольшого формата, без обложки. Желтоватые плотные страницы были покрыты красивым непривычным шрифтом, в глаза бросалась дореволюционная орфография.

Надежда взяла книгу у матери и прочитала первую строчку:

- «Лиза Суворина жила в Коломне...»

– Коломна – это исторический район между Сенной площадью, Екатерининским каналом и Фонтанкой... – начала мать по преподавательской привычке.

- Да знаю я, знаю! – отмахнулась от нее Надежда.

Ну да, это была та самая книга, которую в свое время ей дал почитать Петя Квадратов. Надежда перелистнула несколько страниц, и у нее отчего-то возникло странное чувство. Ей было страшновато держать в руках эту дореволюционную книгу, от нее словно исходил какой-то опасный холодок... А еще – эта книга как будто хотела Надежде что-то сказать...

- Ну, теперь твоя душенька довольна? – насмешливым тоном проговорила мать.

– Неужели ты думаешь, что я стала бы ее искать, если бы не этот Квадратов, – принялась оправдываться Надежда. – Ему зачем-то приспичило найти эту книгу через столько лет! Просто с ножом к горлу пристал! Вынь да положь!

- Ну, он всегда был немного странный.

- А ты что, помнишь его?

- Ну, смутно... такой толстенький мальчик в очках.

- Точно. Надо же, какая у тебя память!

– Да уж, склероза нет! И тем более Альцгеймера. Кстати, ты вот всегда надо мной смеешься, что я ничего не выбрасываю, а именно благодаря этому качеству мы нашли твою книгу. А еще ты высмеивала этот мой принцип...

- Какой?

- Подальше положишь – поближе возьмешь!

- Да ладно тебе, мама! Ничего я не высмеивала!

– Высмеивала, высмеивала! Кстати, – Татьяна Васильевна наморщила лоб, – с этим Квадратовым что-то потом случилось... какая-то неприятная история...

- Какая история?

- Не могу вспомнить.

- Значит, ты тоже что-то знала... как и Алкина мама...

– Точно! Вроде бы я что-то слышала от Алкиной матери! Мы тогда осенью на собрании встретились, обратно вместе шли... но вот что это было – не помню...

И хоть Надежда удержала ехидное замечание, мать заметила:

- Ну, все же не забывай, сколько мне лет!

- Я-то не забуду, главное, ты сама не забывай!

- А вот это уже лишнее! Вот это уже не обязательно было говорить матери!

– Ладно, мама, спасибо тебе, что сохранила книгу, – Надежда обняла мать, – ты мне очень помогла...

- То-то же, – смягчилась мать. – Заходи уж, а то только по делу забегаешь.

Это была заведомая неправда, но Надежда не стала спорить.

Приехав домой, она осторожно открыла книгу и начала читать:

Лиза Суворина жила в Коломне, у своей тетушки Ксении Борисовны. Тетушка, вдова титулярного советника и сестра Лизиного покойного батюшки, была женщина добрая, но немного скучная. Она вечно либо отчитывала служанку Авдотью, либо сама занималась хозяйством, либо ходила в ближнюю церковь Николы Морского. Лиза же любила читать, особенно приключенческие книжки – яркие томики издательства Маркса в глянцевых бумажных обложках. Поскольку тетушка такое чтение не одобряла, Лиза пряталась с книжкой в кладовой, хотя там было темно и приходилось брать свечку.

Если бы тетушка об этом прознала, она очень бы рассердилась – кроме того, что из-за свечки мог случиться пожар, она еще и денег стоила, а денег у тетушки было негусто.

Чтобы свести концы с концами, Ксения Борисовна сдавала одну комнату – обычно какому-нибудь студенту, будущему медику или инженеру. Но однажды случилось так, что прежний жилец съехал посреди учебного года, и на его месте поселился странный человек.

Точно не студент – ему было уже изрядно за тридцать. Загорелое, обветренное лицо покрывала сетка морщин, которые становились особенно заметны, когда жилец улыбался, а левую щеку пересекал белесый шрам. Длинные темные волосы жилец собирал на затылке в конский хвост, а старомодный сюртук был неаккуратно зашит на плече, и Лизе хотелось думать, что прореха эта образовалась от пули или кинжала.

Лиза совсем недавно прочла замечательную книгу «Остров сокровищ» английского писателя Стивенсона, и ей казалось, что новый жилец удивительно похож на бывшего пирата. А может, и не бывшего. Для полного сходства ему не хватало только черной повязки на глазу да говорящего попугая на плече.

Вещи нового жильца лежали в окованном железом сундуке, и Лизе смерть как хотелось заглянуть в него и посмотреть, что там хранится. Однако такого случая не представлялось.

Обыкновенно жилец довольно поздно завтракал (на завтрак Авдотья подавала ему яичницу и чай со свежими булками) и отправлялся на прогулку.

Первое время Лиза следила за ним – в надежде увидеть, как он встречается с другими такими же отставными пиратами и обсуждает с ними поиски сокровищ. Но ничего подобного не происходило. Жилец день за днем обходил большой круг, от Екатерининского канала до Крюкова, доходя иногда до самого Калинкина моста, и возвращался, ни с кем не встретившись и не заговорив. Так что скоро Лизе слежка надоела, и она ее прекратила.

Кстати, звали жильца Николаем Савельичем.

На следующий день, едва муж ушел на работу, Квадратов завалил Надежду сообщениями:

«Нашла книгу?»

«Когда встретимся, где?»

Надежда Николаевна поняла, что тянуть больше нельзя, не то он просто изойдет от нетерпения. Одно было хорошо: сама Надежда его не интересовала. Так что она планировала отдать ему книгу, распрощаться и больше с ним не общаться. Надо больно! Как-то этот Квадратов не слишком ей нравился.

Вот только зачем ему книга? Сорок лет жил без нее – и ничего. Впрочем есть такие люди – обычно непроходимые зануды, которые пока на своем не настоят, не успокоятся.

Условились встретиться в кафе в торговом центре. Надежда Николаевна решила, что на людях будет спокойнее. Посидят полчаса, кофе выпьют, да и разойдутся по-хорошему.

Надежда сообщила, что у нее довольно короткие светлые волосы, и будет она в синем пальто. Петя же на это ответил, что придет пораньше и высмотрит ее первым. А вообще-то у него седоватые волосы, никаких залысин, и одет он прилично.

– Прилично – это как? – спросила Надежда кота, который провожал ее в прихожей, нацеливаясь потереться о ее синее пальто. Она вовремя пальто подхватила, отпихнув Бейсика ногой.

Надежда Николаевна уже ехала на встречу с Квадратовым, когда ей позвонила Алка Тимофеева и спросила странным голосом:

– Ты сидишь?

– Вообще-то сижу, – подтвердила Надежда. Она действительно сидела – в маршрутке.

– Ну так слушай. Петька Квадратов умер. Погиб. Я теперь точно знаю.

– Что?! – недоверчиво переспросила Надежда Николаевна. – Когда? Я же с ним буквально час назад разговаривала! То есть переписывалась.

– Так он не сейчас погиб, а много лет назад. Я же тебе в прошлый раз говорила, была там какая-то странная история.

– Да что ты такое говоришь?! Не может быть! Повторяю – я с ним общалась, и не один раз! Он жив-здоров! А сейчас я как раз еду на встречу с ним!

– Что? Вернись, не надо с ним встречаться! Это не Квадратов, а какой-то самозванец! Вот ты послушай меня... – в Алкином голосе звучало непривычное волнение, и это Надежду насторожило. – Значит, я позвонила соседке тете Лине, ну, которая тогда с ними в одной квартире жила. И с Петькиной матерью она дружила, так что когда Квадратовы уехали, она тете Лине писала. А потом вдруг – тишина. А однажды на тети-Линино письмо ответили соседи, которые с Квадратовыми в одном доме жили. Полдома – их, а полдома – матери этой Квадратовой, Петькиной бабушки. Бабушка тогда болела, в больницу ее увезли, так только она и выжила... В общем как-то утром выходит сосед на работу и видит, что собака лежит без признаков жизни. А у них собака была, овчарка сторожевая, во дворе привязана. Так вот собаку отравили, чтобы не лаяла ночью. И влезли к Квадратовым, и всех убили. Сосед так и написал: всех зарезали – и отца, и мать, и Петьку, ребенка не пожалели. Милиция приезжала, соседа понятым вызвали, там, говорит, кровищи было – страшное дело.

– Да кто же такое сделал? – закричала Надежда так громко, что на нее оглянулись пассажиры маршрутки.

– Тетя Лина говорит – так и не выяснили. Может, ограбить хотели, думали, люди из большого города приехали, так ценностей у них много. Милиция так никого и не нашла. Тетя Лина денег послала, сколько было, на похороны и с тем соседом еще переписывалась. Бабушка после больницы недолго прожила, и полдома Квадратовых соседям отдали. Но они лет пять не могли туда войти, пока полностью пол не перестелили и стены не перекрасили. Да и то сами не жили, а посторонним людям сдавали, которые ничего не знали.

– Ужас какой! – вздохнула Надежда.

– Так что, Надя, не вздумай с этим типом встречаться. Просто пошли его подальше открытым текстом и в сетях заблокируй!

– Ну да, ну да, конечно...

После разговора с Алкой Надежда Николаевна совершенно растерялась, что для нее было не характерно.

Во-первых, этот кошмар с убийством семьи Квадратовых. Ну, допустим, это случилось сорок лет назад, так что сейчас ужасаться было несколько несвоевременно. Но тогда возникал второй вопрос, гораздо более насущный: зачем кому-то понадобилось выдавать себя за Петю Квадратова? Что это? Глупый розыгрыш? Но очень уж сложный и бессмысленный...

Зачем этот самозванец связался с ней? Зачем попросил о встрече? Неужели из-за несчастной книжки?

Надежда заглянула в пакет, куда положила книгу, предварительно завернув ее в лист белой бумаги. Уж больно неказисто выглядела книга: обложки нет, листы вываливаются... В таком виде и хотела отдать Петьке, пускай сам ее разворачивает.

«Нет, тут дело определенно нечисто!» – решила Надежда Николаевна, вспомнив, как лже-Квадратов то и дело подводил разговор к этой книге, как настаивал, чтобы она ее вернула...

Надежда просто обязана все выяснить. Потому что не родился еще тот человек, который мог бы, выражаясь простым языком, кинуть Надежду Николаевну Лебедеву. А в том, что ее хотели обмануть, обвести вокруг пальца, объехать на кривой козе, она теперь не сомневалась.

Ну что ж, посмотрим, кто кого выведет на чистую воду!

Заметив, что маршрутка подъехала к торговому центру «Пространство», где они с фальшивым Квадратовым назначили встречу, Надежда Николаевна вскочила и крикнула водителю, чтобы остановился.

– Проспала, тетеря! – фыркнул толстый мужик с первого сиденья.

– Сам тетерев! – огрызнулась Надежда и выскочила из маршрутки, оставив за собой последнее слово.

Оказавшись на улице, она задумалась. Если Квадратов – не Квадратов, а какой-то злоумышленник, идти к нему на встречу опасно. И Алка сказала, чтобы Надежда развернулась и ехала домой. Но тогда она не узнает, в чем там дело, кто такой этот лже-Квадратов и зачем ему понадобилась старая потрепанная книга? Оставить такую загадку без ответа Надежда не могла, а потому решила: нужно непременно пойти на встречу с неизвестным, постараться осторожно вывести о нем все, что можно, но книгу ему не отдавать.

Надежда уже направилась к входу в торговый центр, как неподалеку заметила вывеску: «Кофейня-библиотека».

Странно... Так кофейня или библиотека?

До встречи с липовым Квадратовым оставалось еще минут десять, и Надежда зашла внутрь.

Это действительно была кофейня, но возле задней стены стоял стеллаж с книгами, самыми разными – детективы и дамские романы, фантастика и исторические хроники.

Посетители кофейни читали их, пока ждали заказ, а перед уходом ставили на место. Хорошая идея! Что называется – культуру в массы. Опять же, придает этому заведению неповторимый колорит...

В эту минуту у Надежды мелькнула здравая мысль. Если этот фальшивый Квадратов так жаждет заполучить старую книгу – значит, она представляет для него какой-то интерес и он пойдет на все, чтобы ею завладеть. А если Надежда не отдаст ее добровольно, может и силой отобрать. Или хитростью.

А вот этого допустить было нельзя.

Значит, до встречи с лже-Квадратовым книгу следовало спрятать. А где лучше всего прятать книги? Как известно, лист лучше всего прятать в лесу, соломинку – в стогу сена, труп – на поле боя, а книгу, соответственно, в библиотеке...

А вот и она!

Надежда Николаевна воровато огляделась по сторонам, убедилась, что на нее никто не смотрит, и осторожно поставила книгу на полку – позади всех остальных, чтобы не бросалась в глаза. А вместо нее взяла первую попавшуюся. Название – «Путь к твоему внутреннему Катманду. Стратегия самореализации и исправления кармы» – вызвало у Надежды оторопь, но она решила ничего не менять и, кое-как завернув книгу в белую бумагу – на всякий случай, убрала в пакет.

Совершив обмен и убедившись, что книга на полке не слишком бросается в глаза, Надежда Николаевна вышла из кофейни. До назначенной встречи оставалось минут пять, и Надежда решительно направилась в торговый центр.

Кафе, где назначил встречу ее фальшивый друг детства, она нашла без труда, но, прежде чем войти, притормозила. Как они с липовым Квадратовым узнают друг друга?

Надежда сказала ему, что будет в синем пальто, а он сказал, что сам ее узнает...

Надежда Николаевна сняла пальто, вывернула его подкладкой наружу и повесила на руку. Вот так! Теперь Квадратов ее не узнает, и она сможет без опаски понаблюдать за ним, прежде чем подойдет и заговорит. Надежда подумала еще немного и достала из сумочки очки. Очки были для дали, и надевала она их только в кинотеатре или когда нужно было рассмотреть что-то важное, но они здорово меняли лицо.

Нацепив очки, Надежда вошла в кафе, быстро огляделась по сторонам и прошла в глубину зала. Устроившись за столиком, она повесила пальто на свободный стул (подкладкой вверх, чтобы не была видна синяя ткань), поставила туда же пакет с книгой и еще раз внимательно оглядела посетителей кафе.

В этот час их было не так уж много. Счастливая мать с двумя мальчишками – белокурыми близнецами лет пяти, влюбленная парочка, скорее всего студенты, еще одна пара – пенсионеры интеллигентного вида...

Надежду интересовали исключительно одинокие мужчины. Таких было двое. Один явно не подходил по возрасту – мрачный тип едва за тридцать, в черной кожаной куртке, то и дело поглядывающий на часы.

А вот второй... Примерно Надеждиного возраста, озабоченный, в дорогом темно-сером пальто, с коротко стриженными седоватыми волосами.

Довольно интересный, признала Надежда. Но она ни за что не подумала бы, что это – Петя Квадратов. Тот был толстенький, неловкий, в очках... Конечно, он давно мог перейти с очков на линзы или вообще сделать операцию на глазах, но все остальное... нет, это точно не Петя Квадратов!

Тут Надежда Николаевна напомнила себе, что это и не может быть Квадратов, потому что, если верить Алке Тимофеевой – а не верить ей у Надежды не было никаких оснований, – так вот, если верить Алке, настоящий Петя Квадратов погиб много лет назад.

К столику подошла официантка, и Надежда заказала капучино. Хотела было добавить чизкейк, но вспомнила про безжалостные весы и вовремя остановилась. Официантка взглянула на нее с пониманием и удалилась.

В это время в кафе вошла молодая женщина с бледным, испуганным лицом и направилась к столику мужчины в черной куртке, что-то тихо, виновато бормоча.

Мужчина вскочил, мрачно уставился на нее и рывкнул:

– Ты где была? Мы с тобой на сколько договаривались?

– Но Толя... ты же знаешь, что мой начальник... с ним очень трудно договориться...

– Когда тебе надо, ты с кем угодно договариваешься!

– Но Толя, Толя, здесь же люди...

Мужчина раздраженно и неприязненно огляделся по сторонам, бросил на стол купюру и решительно вышел из кафе, прихватив за руку свою испуганную спутницу.

Надежда облегченно перевела дыхание. Она терпеть не могла скандалы, даже посторонние.

И в эту минуту в кафе вошла еще одна женщина... Надежда Николаевна уставилась на нее с удивлением, потом опомнилась и опустила глаза, чтобы наблюдать из-под ресниц.

Женщина была удивительно похожа на нее, Надежду. Примерно такого же возраста, приблизительно такого же телосложения, и волосы похожего цвета. Черт, даже стрижка такая же! А самое главное – на женщине было синее пальто. Не совсем такое, как у Надежды, но похожее.

В общем, издали, или при плохом освещении, или если не видеть Надежду Николаевну последние годы, их вполне можно было перепутать.

А ведь этот самый липовый Квадратов не видел ее с самого детства... и запросто мог принять эту незнакомку за Надежду.

И действительно, мужчина с тронутыми сединой волосами, которого Надежда определила как липового Квадратова, отставил стакан с водой, привстал и помахал рукой вошедшей женщине – мол, вот он я.

Надежда Николаевна хмыкнула – вот незнакомка удивится, чего этот мужик от нее хочет? Она-то понятия не имеет, что похожа на Надежду, которой он здесь назначил встречу!

Однако женщина в синем пальто ничуть не удивилась, а приветливо улыбнулась лже-Квадратову, подошла к его столику и громко, оживленно проговорила:

– Петя, да? Как ты изменился! Я бы тебя ни за что не узнала!

Самозванный Квадратов что-то негромко проговорил в ответ и подвинул стул. Женщина села рядом с ним, повесила синее пальто на спинку стула, и они тихо заговорили.

Надежда Николаевна смотрела на происходящее в изумлении. Что же это творится?

Значит, женщина в синем пальто пришла сюда не случайно, и не случайно так похожа на нее, Надежду. Значит, она ведет какую-то свою игру и выдает себя за Надежду с какими-то непонятными, но явно подозрительными целями...

Словно почувствовав взгляд Надежды Николаевны, женщина оглянулась. Хорошо, что к столику подошла официантка с кофе и перекрыла той бабе обзор. Надежда сунула официантке деньги и принялась наблюдать за той парочкой спокойно.

Вот так номер! Фальшивый Петя Квадратов встретился с фальшивой Надеждой Лебедевой... Нет, это уже перебор! Такое и во сне не приснится.

Тут рядом со столиком остановился какой-то мужчина и спросил гнусавым, словно простуженным голосом:

– Дама, можно к вам подсесть?

– Нельзя! – фыркнула Надежда Николаевна, даже не повернувшись к незнакомцу, поскольку все ее внимание было поглощено беседой двух самозванцев. – Свободных столов сколько угодно!

– Нельзя так нельзя! – ответил мужчина без всякого разочарования и удалился.

А два самозванца все еще о чем-то тихо, увлеченно разговаривали. Женщина склонилась к своему собеседнику, что-то доверительно сказала ему на ухо... При этом Надежда заметила, что ее прическа немного сбилась, и из-под светлых волос выглянула темная прядь. Эге, да у дамы парик! Это уже серьезно!

Потом женщина встала, поправила волосы, накинула пальто и неторопливо покинула кафе, не оглянувшись на своего собеседника.

А фальшивый Квадратов остался сидеть. Только в его позе была теперь какая-то странная обреченность: плечи поникли, голова склонилась к плечу... и даже волосы утратили пышность.

Надо же, как подкосил его разговор с фальшивой Надеждой! Только что это был энергичный, полный сил мужчина, а сейчас... из него точно вынули стержень!

Чем его так расстроила собеседница? Сказала, что не нашла старинную книгу и не намерена ее искать? Или нашла, но ни за что не отдаст?

Странно все это...

Тут к столику лже-Квадратова подошла официантка, поставила перед ним чашку кофе и что-то проговорила.

Мужчина не ответил. Официантка еще что-то сказала, а потом робко дотронулась до его плеча. От этого прикосновения мужчина потерял равновесие и упал лицом на стол, опрокинув чашку и расплескав кофе, часть которого попала на официантку.

Официантка завизжала и отскочила в сторону.

Посетители кафе заволновались, повскакивали с мест, а интеллигентный пенсионер, оставив свою спутницу, быстро подошел к столу липового Квадратова.

– Я врач! – проговорил он в пространство и уверенно взял Квадратова за руку. Несколько секунд молчал, к чему-то прислушиваясь, потом так же ни к кому конкретно не обращаясь, произнес: – Он мертв!

Официантка метнулась за стойку и завизжала еще громче.

Надежда окаменела. Все происходящее виделось ей удивительно отчетливо, как на экране кинотеатра. Наверное, потому, что она надела очки...

Вот пожилой мужчина, представившийся врачом, попытался удержать тело, чтобы оно не свалилось на пол. Вот вроде бы усадил его, прижал стулом... В это время из кармана лже-Квадратова выпало что-то мелкое, гладкое и покатилося в сторону Надеждиного столика. Официантка так визжала, что стук предмета об пол никто не услышал. А заметила его только Надежда, поскольку у нее был другой угол обзора.

Из-за двери с надписью «Для персонала» выскочил невысокий толстячок с блестящей лысиной, ударил официантку по щеке, отчего та сразу же успокоилась, подошел к врачу и что-то тихо ему сказал. Тот надулся и воскликнул:

– Но позвольте, как же!..

Толстячок сказал еще что-то, и врач, сникнув, вернулся к своей жене.

– Господа, не беспокойтесь! – громко проговорил толстячок – наверное, хозяин или администратор кафе. – Мужчине стало плохо, сейчас мы вызовем «скорую помощь». Извините за причиненные неудобства.

Надежда Николаевна еще раз внимательно взглянула на лже-Квадратова. Он по-прежнему лежал лицом на столе, и было в его позе нечто такое, что Надежда уверилась – он действительно мертв.

Он умер во время разговора с фальшивой Надеждой, та заметила это и быстренько ретировалась?

Нет, не похоже.

Слишком спокойно, слишком уверенно она держалась. Если бы мужчина умер на ее глазах, она не смогла бы скрыть испуга. Вон как психанула официантка...

Но тогда... Тогда может быть только одно правдоподобное объяснение ее поведению. Фальшивый Квадратов умер не естественной смертью – он был убит, и убила его эта самая таинственная особа в синем пальто... Она сидела близко, что-то шептала ему на ухо... небось чем-то незаметно уколола или в воду что-то капнула. А потом спокойно ушла.

И тут до Надежды дошло кое-что очень важное.

Все присутствующие в кафе видели эту женщину рядом с погибшим, и все они опишут ее, Надежду! Совпадет все – от прически до пальто! И она окажется главной подозреваемой! Если не единственной...

Нужно скорее уходить! Бежать отсюда без оглядки!

Надежда порадовалась, что расплатилась с официанткой, тихонько встала, тихонько сняла со стула злополучное синее пальто – так, чтобы подкладка была снаружи, и наклонилась, чтобы взять со стула пакет с книгой...

Однако тут ее ожидала еще одна неожиданность. Пакета на стуле не оказалось.

Как же так? Кому этот пакет мог понадобиться?

И тут Надежда Николаевна вспомнила мужчину с простуженным голосом, который хотел подсесть к ней за столик. Вот кто мог взять злополучный пакет! Больше никому! А она еще удивилась мимоходом, что вроде приличное кафе, а пускают разных козлов, которые к посторонним дамам пристают!

Впрочем, думать об этом было некогда, и Надежда направилась к выходу, стараясь не привлекать к себе внимания. Но тут ей под ноги попался тот самый предмет, который выпал из кармана умершего лже-Квадратова. Действуя совершенно машинально, на автопилоте, Надежда подняла этот предмет и, зажав его в кулаке, выскользнула из кафе.

Юркнув в многолюдный магазин по другую сторону галереи и смешавшись с толпой покупателей, она немного успокоилась и осмелела настолько, что решилась надеть пальто. Но тут же перехватила чей-то подозрительный взгляд... Может, ей это показалось, но у страха, как говорится, глаза велики.

Надежда Николаевна снова сняла пальто, выскользнула из магазина через заднюю дверь, вышла из торгового центра и села в первую попавшуюся маршрутку. При этом она побоялась зайти в «Кофейню-библиотеку», где спрятала дореволюционную книжку.

Маршрутка проехала несколько кварталов, прежде чем Надежда сообразила, что едет не в ту сторону. Она вышла, долго ждала встречной маршрутки, а за это время успела прийти в себя, застегнуть пальто и осознать, что до сих пор держит в руке непонятный предмет. При ближайшем рассмотрении им оказался пластмассовый полупрозрачный кругляшок бледно-зеленого цвета с дыркой. Сверху стояли две буквы: ТО, а под дыркой – цифры 68.

Надежда поняла, что это номерок из гардероба. Только вот какого учреждения? Что значит ТО? «Техническая оптика»? «Творческое объединение»? «Товарищество орангутангов»?

Стараясь не оглядываться и прилагая всяческие усилия, чтобы не выглядеть взволнованной и беспокойной, Надежда Николаевна наконец добралась до дома, но перед входом в подъезд, как назло, встретила соседку Антонину Васильевну, которую все жильцы называли Недреманное Око, поскольку она всегда была в курсе происходящего в доме и его ближайших окрестностях. Мимо нее и муха не могла пролететь незамеченной. Надежда с Антониной Васильевной была в хороших отношениях, пару раз они даже вместе расследовали кое-какие дела, но все же постоянно держалась настороже.

– Что это, Надя, на тебе прямо лица нет? – поинтересовалась соседка. – Случилось что?

– Да я, кажется, воду в ванной забыла выключить! – нашла Надежда. – Боюсь, не залить бы соседей!

– Ну так беги скорее!

Надежде только это и было нужно.

«А Антонина-то не зря свое прозвище получила. Глаз у нее – алмаз, все замечает...» – подумала она в лифте и тут же отругала себя за то, что не следит за лицом. Выдержка, выдержка и еще раз выдержка. А то еще, не дай бог, муж что-нибудь заподозрит.

И только оказавшись в квартире и отдышавшись, Надежда смогла обдумать все, что с ней произошло за этот день.

Сначала из паутины социальных сетей появился незнакомец, выдававший себя за Петю Квадратова, который, как выяснилось, давно погиб. Этот незнакомец упорно требовал вернуть ему старинную книгу, которую Петя Квадратов дал почитать Надежде сто лет назад, аж в четвертом классе. Потом, когда Надежда пришла-таки на встречу с этим настырным самозванцем, туда же заявила неизвестная женщина, которая оделась и загримировалась под нее, Надежду. И во время встречи с этой незнакомкой фальшивый Квадратов скорострельно умер.

Мало того – у самой Надежды в это же время украли пакет с дореволюционной книгой... вернее, это преступники так думали, что в пакете лежит книга, которая им нужна, а на самом деле там находилась какая-то ерунда – «Как преодолеть себя, или Путь к совершенству»... Надежда уж и забыла, как та книга называлась.

По всему выходило, что все упирается в эту самую старую книгу. Именно с ней связано что-то настолько важное, что из-за нее люди готовы пойти на обман, кражу и даже на убийство...

Надежда Николаевна почувствовала характерное покалывание в корнях волос. Такое чувство у нее возникало всякий раз, когда она сталкивалась с какой-нибудь криминальной загадкой...

А книгу-то она оставила на полке в кофейне! Надежда почувствовала настоящие танталовы муки. Ей ужасно хотелось исследовать загадочную книгу, но ехать обратно к тому месту, где убили лже-Квадратова, она боялась. Кроме того, скоро должен был прийти с работы муж, а к его приходу следовало быть дома...

«Вот именно! – муркнул материализовавшийся в прихожей Бейсик. – Ты вообще не забыла, что у тебя семья? И кот голодный!»

– Ты прав, дорогой. – Надежда взяла кота на руки, для чего понадобилось поднапрячься, и усилием воли выбросила из головы все мысли о расследовании.

Вернувшийся с работы Сан Саныч еще на лестнице почувствовал запах запекающейся в духовке курицы со специями, а на столе под салфеткой его ожидал песочный пирог с тещиным смородиновым вареньем (мать впихнула-таки Надежде две банки, присовокупив, что если дочка ничего не будет брать, то она, мать, вообще все кусты вырубит).

Только на следующий день, когда муж отправился на работу, Надежда вспомнила о злополучной книге, которую следовало немедленно вернуть! Значит, нужно съездить в тот торговый центр и забрать книгу. Но так, чтобы Надежду никто не узнал... Возможно, тот тип с гнусавым голосом уже понял, что ему подсунили не то, и теперь караулит около кафе. Маловероятно, конечно, но все же будет не лишним подстраховаться.

Что ж, у Надежды Николаевны Лебедевой был богатый опыт работы под прикрытием.

Первым делом она открыла шкаф и, перебрав одежду, нашла куртку, которую надевала исключительно для поездок на дачу. Куртка была целая, чистая, почти новая, и сперва Надежда даже подумала, что ее можно носить и в других случаях, но все же что-то в ней было неуловимо старомодное.

Итак, Надежда надела дачную куртку, а для завершения маскировки обмотала голову длинным шерстяным шарфом. В итоге из шарфа выглядывали только глаза, и узнать Надежду было трудно, а именно этого она и добивалась.

Выйдя из подъезда, Надежда Николаевна первым делом, конечно, встретила все ту же соседку.

Антонина Васильевна сначала шарахнулась от Надежды, но потом все же узнала и спросила:

– Надя, ты, что ли? Тебя не узнать! На дачу, что ли, собралась? Вроде холодно еще...

«Значит, нельзя эту куртку носить...» – удостоверилась Надежда Николаевна, а вслух сказала:

– К маме еду, с ремонтом помочь. Вот оделась попроще, мало ли что на помойку вынести нужно будет. Не в хорошем же пальто...

– Это правильно, – одобрила соседка. – Старикам надо помогать. Кстати, как вчера, не залила соседей?

– Что? – переспросила Надежда.

– Ну ты же говорила, что забыла воду в ванной выключить.

– А, нет, я ошиблась. Все было выключено.

– Бывает, – припечатала Антонина Васильевна и строго взглянула на Надежду – мол, рановато еще тебе склерозом обзаводиться!

Наконец Надежда Николаевна обошла соседку и отправилась восвояси.

Недреманное Око посмотрела ей вслед с подозрением. «Ох, непроста Надежда, не иначе как снова влезла в какую-то историю! Вчера примчалась, как кошка встрепанная, кран, говорит, забыла выключить. Ты, голубушка, ври да не завирайся, уж Антонина-то точно знает, что Надежда – женщина ответственная и кран никогда не забудет выключить, десять раз все проверит. Тем более квартира не ее, а сына Сан Саныча и его невестки, тут уж тройне осторожной нужно быть. Нет, что-то опять у Надежды случилось... Ладно, понаблюдаем, посмотрим, проанализируем...»

А Надежда Николаевна тем временем повстречала дворника Ахмета, который обратился к ней на незнакомом языке.

– Что? – удивленно переспросила Надежда.

– Ох, извиняйте, дамочка! – смутился дворник. – Я вас с Зульфией спутал!

«Плохо дело... – подумала Надежда Николаевна, подходя к остановке. – Хотя, с другой стороны, никто меня точно не узнает, а это главное...»

Звонок Алки Тимофеевой снова настиг Надежду в маршрутке.

– Ну что? – спросила подруга, как обычно запыхавшись. – Послала его подальше?

Надежда помедлила с ответом буквально долю секунды, но для Алки и этого оказалось достаточно.

– Надежда! – заорала она. – Что ты там еще удумала? Признавайся немедленно!

Ее голос был такой громкий, что соседка Надежды даже вздрогнула и отшатнулась.

– Не кричи, – прошипела Надежда Николаевна, – я не дома.

– Так что тот тип? Неужели ты с ним встречалась?

– Там все сложно, по телефону не могу сказать.

Надо отдать Алке должное, по тону подруги она сразу поняла, что дело серьезное.

– Слушай, у меня, как всегда, полный затык. Может, подъедешь к двум? У меня окно будет, посидим в кафе напротив школы...

– Только не в кафе! – теперь уже Надежда повысила голос.

– Да, точно, там вечно наши препы ошиваются... Слушай, – кажется Алку осенило, – я с завтрашнего дня участвую в городской учительской конференции, там времени будет вполне достаточно, чтобы поговорить. Пока все доклады пройдут, можно в буфете посидеть, никто проверять не станет.

– А я-то как туда попаду?

– А ты мне пришли по мейлу свои паспортные данные, я тебе гостевой пропуск сделаю! Успеешь до четырех?

– Успею! – повеселела Надежда.

Надежда Николаевна вошла в тот самый злополучный торговый центр. С виду все было как обычно, никаких подозрительных машин не стояло на площадке, никто не крутился возле, и даже то самое кафе, где вчера убили лже-Квадратова было открыто и посетители в нем спокойно пили кофе. Тело, конечно, увезли, а полиция небось и заморачиваться не стала. Ну, мало ли, человека инфаркт хватил в одночасье. Или инсульт.

Проходя мимо, Надежда незаметно заглянула в зал. Ничего не изменилось, только официантка работала другая. Той небось отгул дали, чтобы в себя пришла. Или вообще уволили, уж больно громкий скандал она подняла.

Надежда миновала кафе и вошла в магазин, где скрывалась вчера. Продавщица посмотрела на нее с легким подозрением, потом подошла и уставилась уже откровенно. Надежда бросила взгляд в зеркало и оторопела. Там отражалась жуткая личность в старомодной куртке, замотанная шарфом по самые глаза.

Она поскорее вышла из магазина и буквально налетела на рослого мужчину в форме охранника.

– Ты чего тут ходишь? – сурово спросил он. – Ты уборщица, что ли, новая?

– Угу... – Надежда энергично закивала.

– Тогда тебе на третий этаж нужно, к Павлу Ивановичу. Скажешь, что Виталий послал, – и он подтолкнул Надежду к лестнице.

«Не нужно мне ни к какому Павлу Ивановичу, – подумала Надежда Николаевна. – Мне в кафе-библиотеку нужно...»

И лишь когда охранник скрылся за углом, Надежда отважилась пересечь коридор и войти в кафе-библиотеку. Никто на нее не смотрел, люди пили кофе и читали каждый свою книгу. Надежда прошла к стеллажам и искала книгу, которую оставила тут вчера.

Книги не было. Неужели кто-то ее взял и не вернул на место?

Она пошарила на соседней полке. Ничего.

«Спокойно, – сказала себе Надежда, – она не могла никуда деться. Я же ее запрятала подальше. Возможно, это не тот стеллаж?»

Она отошла к двери и постаралась повторить свой вчерашний путь. Ага, кажется, в прошлый раз на нервах она свернула вон туда...

Перед стеллажом стояла девчонка с разноцветными волосами и перебирала книги, причем обращалась с ними не слишком уважительно. Вот уронила парочку на пол, нагнулась, чтобы поднять, и тут Надежда подскочила и через ее голову нашарила сзади ту самую книгу, завернутую в белый лист бумаги.

Она, родимая, убедилась Надежда на ощупь.

– Эй, тетя! Ты что, не видишь, что я тут стою? – проявилась девчонка и схватилась за книгу.

Надежда ничего не ответила, только молча потянула книгу к себе.

– Эй, тетя, зачем тебе книжки? – разозлилась девчонка. – Ты небось и читать-то по-русски не умеешь!

– А не твое собачье дело! – ответила Надежда на чистом русском языке, вырвала книгу, оставив в руках у девчонки кусок белой бумаги, и быстрыми шагами удалилась из кафе-библиотеки.

«Выбросить совсем эту куртку, что ли...» – подумала она на ходу.

Зато в ней были очень большие и удобные карманы, так что Надежда не стала прятать книгу в пакет, а запихнула во внутренний карман. Поместилась.

Дома книгой очень заинтересовался кот, однако Надежда Николаевна отогнала его и спрятала книгу на лоджии за пустыми цветочными горшками.

Учительская конференция проводилась отчего-то в Театре оперетты. Алка объяснила, что там оказалось дешевле всего снять зал.

С утра Надежда надела самый приличный костюм, тщательно накрасилась и уложила волосы. На входе в театр предъявила свой паспорт, и ей выдали гостевой бейдж, очевидно приняв за чиновницу средней руки.

Алку она нашла внутри, окруженную знакомыми учителями. Прозвенел звонок, всех стали приглашать в зал, и Алка показала глазами, что сейчас освободится, но тут к ней подскочил какой-то мужчина, схватил за плечи, потом поцеловал руку, потом затараторил что-то... Алка выглядела обрадованной – видно и впрямь хороший знакомый.

«Ну вот, – обиженно подумала Надежда, – подруга называется! Затащила меня на эту конференцию, обещала посидеть со мной в буфете, поговорить, а сама бросила посреди незнакомых людей... Вот что мне прикажете делать тут одной? Не в зал же идти? Нужны мне эти учительские доклады...»

Тут она увидела полуоткрытую резную дверь, на которой красовалась бронзовая табличка: «Музей театра».

Ну, музей так музей. Можно здесь убить время, пока Алка решает свои неотложные вопросы... Надежда нерешительно приоткрыла дверь. Кто знает, может быть, он закрыт? Но нет, очевидно, для учителей посещение музея тоже было предусмотрено.

Дверь приглашающе скрипнула, и никто не шикнул на Надежду – мол, дама, вам не сюда, а в зал, доклады слушать.

Прежде ей не раз приходилось бывать в музеях разных театров, и обычно они представляли собой одну, максимум две комнаты, где были выставлены макеты оформления спектак-

лей прежних лет, эскизы костюмов и декораций да фотографии давно почивших актеров и режиссеров.

Однако этот музей резко отличался.

Он занимал целую анфиладу просторных комнат, по стенам которых были выставлены зеркальные витрины с пышными театральными костюмами и прочим реквизитом.

Поскольку в театре ставили исключительно оперетты, а в опереттах (по крайней мере, классических) действуют в основном великосветские персонажи, то и костюмы здесь были соответствующие – пышные платья из шелка и бархата, расшитые золотом мундиры, элегантные фраки и смокинги. Попалось также несколько экзотических нарядов – ярких, украшенных фальшивыми самоцветами и расшитых блестками костюмов раджей и баядерок.

Приглядевшись, Надежда заметила, что все эти костюмы порядком выцвели и вытерлись, но издалека по-прежнему выглядели очень эффектно.

Подойдя ближе, она прочитала: «Костюмы к дореволюционным постановкам “Сильвы”, “Марицы”, “Веселой вдовы” и “Летучей мыши”» – и одобрительно проговорила:

– А хорошо делали в те времена театральные костюмы!

– Вам они нравятся? – раздался в ответ тоненький голосок, и Надежда Николаевна в изумлении оглянулась. Она была уверена, что находится в помещении одна.

Ну да, никого и не было, одни платья в витринах. Но не они же с ней разговаривают?

– Правда, они красивые? – спросил тот же тоненький голосок, и из-за самой дальней витрины появилась девочка.

Собственно, ее можно было бы считать и взрослой девушкой, однако Надежду насторожила несколько неуверенная походка, наивный, незащитный взгляд бедной овечки и слишком угловатые, неестественные движения.

Одета девочка была аккуратно и просто – джинсы, свитерок, все чистое и хорошего качества. Волосы густые, темные, заплетены в сложную косу – самой ей так ни за что бы не сделать. Это Надежда знала не понаслышке: как раз недавно разговаривала по скайпу с внучкой Светланкой, и та ей все рассказала.

Так что эта девчушка находилась здесь не сама по себе, ее кто-то привел. Только вот что она тут делает? Дети обычно днем заняты – школа, кружки разные, домашние задания...

Девочка подошла ближе, и Надежда все поняла. Две яркие пластмассовые заколки в волосах были явно лишние. Дешевенькие бусы в четыре ряда тоже не украшали. А еще на девочке были браслеты – самые простенькие, бижутерия или вообще самостоятельно плетенные. Такое обилие блестящей «красоты» и слишком тонкий детский голосок наводили на определенные мысли.

Собственно, черты лица у несчастного ребенка были вполне правильные, то есть не дау-ненок. Но вот глаза... в глазах было что-то не то. Взгляд пустой, ничего не выражающий, такой бывает у овцы в поле. В общем, тут не нужно быть специалистом, чтобы распознать, что девочка с заметными отклонениями в развитии. По внешнему виду ей можно было дать лет пятнадцать, а может, и больше.

– Очень красивые костюмы! – мягко сказала Надежда Николаевна. – А скажи, пожалуйста, ты тут часто бываешь?

– Да, – ответила девочка, – мне разрешают, у меня папа тут работает, меня все в театре знают.

– Ну, если разрешают, тогда конечно, – согласилась Надежда. – Ты извини, мне пора, – и она перешла в соседнюю комнату.

Представленные здесь костюмы были не такие красивые: простенькие платья, рабочие сатиновые спецовки, униформа милиционера... Лучше других смотрелись белоснежные парадные кители и фуражки морских офицеров.

– Ага, это костюмы из советских оперетт, – проговорила Надежда. – Пожалуй, этому жанру больше подходит великосветская жизнь...

Она толкнула следующую дверь и оказалась в небольшой полутемной комнате.

Прямо напротив двери висела полузадернутая бархатная портьера, из-за которой на Надежду кто-то смотрел. Приглядевшись, она заметила, что это сидящая в кресле смуглая женщина в старинном платье. Темные глаза уставились прямо на Надежду с подозрительным и неприязненным выражением.

– Извините... – смущенно пробормотала Надежда Николаевна. – Я думала, это все еще музей...

Женщина за портьерой ничего не ответила и даже не пошевелилась. Тут свет под потолком засиял значительно ярче – видимо, сработал датчик освещения, который включался, когда в комнату входили посетители, и Надежда осознала, что перед ней – манекен в театральном костюме. Точнее, не манекен, а восковая фигура с удивительно живым и выразительным лицом.

Рядом была прикреплена табличка с поясняющим текстом, из которого Надежда узнала, что основатель Театра оперетты, известный меценат граф Феликс Костров, беззаветно любил актрису, француженку по происхождению, Софи Верден. Она блистала во всех постановках театра, даже когда по возрасту не подходила на роль, и диктовала театральную политику.

Меценат неоднократно делал актрисе предложение руки и сердца, но та ни в какую не соглашалась, мотивируя это тем, что узы брака помешают ее творческой свободе.

Когда же, на пятом десятке, Софи скончалась от скоротечной чахотки, владелец театра был так безутешен, что не смог смириться со смертью возлюбленной и совершил эксцентричный поступок, который привел в замешательство все петербургское общество.

Прослышав о португальском короле, который после смерти своей фаворитки Инес де Кастро сочетался с ней, мертвой, узами законного брака, короновал труп и приказал всем своим придворным принести ей клятву верности, целуя руку покойницы, граф Костров совершил нечто подобное. Правда, он не стал выкапывать труп возлюбленной и ограничился тем, что заказал ее восковую фигуру, добившись поразительного сходства. Нарядив фигуру в платье покойной, граф усаживал ее в гостиной и проводил вечера в ее обществе, а также рассказывал с ней в карете по городу.

Самое же главное – он непременно обсуждал с восковой возлюбленной новые постановки и не принимал в театр ни одной актрисы без ее соизволения.

Родственники мецената пытались через суд доказать, что он сошел с ума, чтобы наложить лапу на его значительное состояние, но Феликс Костров нанял хороших адвокатов и отбился. Адвокаты доказали в суде, что в поведении их подзащитного нет ничего противозаконного или противоестественного, и привели в пример восковую персону императора Петра Великого.

Кроме того, они показали, что все постановки в театре пользовались неизменным успехом, следовательно, советы покойной возлюбленной были здоровыми и полезными.

После же смерти графа восковая фигура Софи Верден поступила в качестве экспоната в распоряжение театрального музея, где и находилась по сей день.

– Чего только не бывает! – проговорила Надежда с чувством. – Каждый сходит с ума по своему!

Тут в соседней комнате раздались приближающиеся шаги и чьи-то негромкие, раздраженные голоса, показавшиеся Надежде Николаевне подозрительными. Она скользнула за портьеру – просто так, на всякий случай, – и оказалась рядом с восковой актрисой.

Тем временем дверь открылась, и в комнату вошли двое. Женщина, коротко стриженная брюнетка, показалась Надежде смутно знакомой, мужчину она не знала, зато вспомнила его голос, когда он заговорил, – гнусавый, как будто простуженный. Это был голос того человека,

который хотел подсесть к ней в кафе, где убили фальшивого Квадратова. Того человека, который – Надежда в этом не сомневалась – украл у нее пакет с дурацкой книгой.

– Ну вот, здесь нам никто не помешает! – проговорил гнусавый многообещающим тоном.

– Не понимаю, чего ты хочешь...

– Не понимаешь? Ты не сделала того, что тебе поручили! Ты не взяла у него то, зачем пришла!

– У него этого не было! Я проверила...

– Плохо проверила! У него это точно должно было быть!

– Не могла же я прямо там, на виду у всех, обыскивать карманы трупа! Мне велели его устранить – и я это сделала! – отбивалась собеседница гнусавого.

В эту секунду Надежда поняла, где прежде видела эту женщину. Это она явилась в то самое кафе, одетая и загримированная под саму Надежду Николаевну. Парик еще нацепила, зараза такая. Это она убила лже-Квадратова – да она только что в этом призналась! Вколола ему какой-то препарат – он и очоурился в одночасье.

Нельзя сказать, что Надежда Николаевна была сильно опечалена его смертью, но все же убийца нравилась ей еще меньше.

Сейчас женщина была совсем не похожа на Надежду – другая стрижка, другой макияж и заметно худее. Видно, тогда, в кафе, она что-то подложила под одежду. Осознав этот факт, Надежда разозлилась еще больше.

А потом ей стало страшно, очень страшно... Если эти люди ее здесь найдут, то непременно тоже убьют, ведь она – свидетель, а свидетели, как известно, живут недолго...

Дернувшись, Надежда Николаевна случайно задела кресло восковой актрисы, и то предательски скрипнуло.

– Ты слышал? – насторожилась женщина. – Здесь кто-то есть!

– Да никого здесь нет! – раздраженно проговорил мужчина. – Кто здесь может быть?

– Но я что-то слышала! – не сдавалась его собеседница.

Она шагнула к портюере и отдернула ее.

Надежда в самый последний момент успела юркнуть за кресло и скорчиться там с удивившей ее саму ловкостью. Ногу, которая не уместилась за креслом, она прикрыла пышной шелковой юбкой актрисы.

– Ну, видишь? – проговорил гнусавый. – Никого нет, кроме этой восковой бабы! Наверное, тебе послышалось!

– У меня прекрасный слух!

– Ну, тогда, может, это мыши. Или крысы. Они здесь наверняка есть, среди этого старья...

Женщины вздрогнула:

– Ты это нарочно? Ты же знаешь, как я не терплю мышей, а уж тем более крыс! Пойдем уже отсюда!

– Крыс боишься? – злорадно прогнусавил мужчина. – Это еще семечки, вот посмотрим, что скажет Мессир, когда узнает, как ты облажалась. Нужно было сначала забрать у этого лоха ту вещь, а потом уж убивать. Поспешила ты, дорогуша...

– Иди к черту!

Продолжая переругиваться, криминальная парочка вышла из комнаты.

Надежда на всякий случай немного выждала, а потом выбралась из-за кресла, обернулась к восковой фигуре и вежливо поблагодарила ее за предоставленное убежище. Показалось ей или нет, что восковая персона благосклонно кивнула?..

От всех переживаний Надежде Николаевне срочно понадобилось в туалет, и она решила пересидеть там до выхода Алки. Впрочем, беседовать с подругой в буфете ей уже расхотелось, да и вообще следовало уносить отсюда ноги поскорее, пока те двое ее не узнали.

А вот интересно, что они тут делают? Но об этом после. А сейчас надо послать Алке сообщение, что она не может остаться, и уйти. Потом поговорят.

Телефон, как всегда, завалился на самое дно сумки. Надежда достала косметичку, накрасила губы, причесалась и долго репетировала в зеркале безразличное выражение лица.

Наконец убрала косметичку в сумку, достала было телефон, но тут ей под руку попался номерок – прозрачный пластмассовый кругляшок бледно-зеленого цвета. Странно, вроде бы когда она сдала пальто, то положила его вот в этот маленький карманчик... Ну да, он там и лежал.

Надежда в полном изумлении уставилась на два одинаковых номерка у нее на ладони.

Только головокружительными событиями последних дней, да еще убийством, которое произошло буквально у нее на глазах, можно было объяснить то, что она не сразу сообразила, в чем дело.

Сейчас Надежда Николаевна вспомнила, что подобрала номерок в кафе, где убили лже-Квадратова, он выпал у него из кармана. Уж не его ли искала убийца?

«Вот так, господа хорошие, – злорадно подумала Надежда, – нужно было повнимательнее смотреть».

Сверху на номерке стояли две буквы: ТО, а внизу цифры: 68. Ну точно, тот самый номерок, что она подобрала в кафе. А вот и другой, который ей выдали на пальто.

Значит, ТО – это Театр оперетты.

И что теперь делать?..

Надежда осторожно выглянула из туалета, и, к счастью, услышала шум, приглушенный говор и звук отодвигаемых стульев. Очередной доклад закончился, и публика высыпала в коридор. Надежда Николаевна решительно вошла в зал и дернула Алку за рукав, пока ее не перехватил еще кто-нибудь из знакомых.

– Алла Владимировна! – Сквозь толпу к ним уже пробивался один такой усатый и мордатый тип.

– Ты мне нужна, – прошипела Надежда, – избавься от него хоть на время.

Алка взглянула подруге в глаза и, поняв, что та не шутит, потащила Надежду в тупик коридора.

– Ну что такое?

– Потом, – буркнула Надежда Николаевна. – Все потом! Значит, вот тебе номерок, возьми мое пальто, в гардеробе долго не маячь, жди меня в фойе перед выходом. Меня увидишь – не признавайся, я сама потом к тебе подойду. Ну, иди!

Алка хотела что-то сказать, но Надежда зашипела на нее, как рассерженная кошка, и подруга поняла, что лучше не спорить – нарвешься на неприятности.

Надежда видела, как умница Алка получила ее пальто, накинула его на плечи и вышла в фойе (сунуть руки в рукава она даже не пыталась, поскольку они с Надеждой были, мягко выражаясь, в разных весовых категориях). Столкнувшись с Алкой в дверях гардероба, Надежда скользнула по ней равнодушным взглядом и подошла к стойке.

Гардеробщик, по внешнему виду бывший артист, принял у нее номерок и направился к стойкам с одеждой, но на полпути остановился и оглянулся на Надежду. Та едва успела отвернуться. Тогда он пошлепал куда-то в дальний угол, покопался там и вышел, неся в руках пакет из обычной оберточной бумаги, перевязанной шпагатом.

– Вот возьмите... – он положил пакет на стойку.

Надежда Николаевна ответила ему скупающим взглядом, взяла пакет и ушла, не поблагодарив.

Алка маялась в фойе. Надежда молча взяла у нее пальто и вышла, опомнившись только на улице от холода.

Черт, знала бы, что встретит тут злоумышленников, ни за что не надела бы это синее пальто. С другой стороны, у нее не магазин модных вещей! Единственное приличное дорогое пальто, раньше и его вполне хватало...

Очень собой недовольная, она махнула рукой подъехавшей маршрутке.

По пути домой Надежда Николаевна испытывала сложное чувство. Ей до смерти хотелось заглянуть в пакет, который передал гардеробщик, но в то же время она понимала, что делать это на людях опасно. Кто его знает, что лежит в этом пакете!

Так она и ехала, крепко прижимая к груди сумку с таинственным содержимым...

Выйдя из маршрутки, Надежда Николаевна устремилась к дому, но тем не менее обратила внимание на прикрепленную возле дворовой арки табличку: «Переплетная мастерская “Манускрипт”». Любые виды работ. Реставрация старинных книг и рукописей». Нарисованная красная стрелка указывала во двор.

Надежда отметила про себя, что почему-то прежде не замечала эту табличку, ведь она так бросается в глаза... Одно слово «манускрипт» чего стоит! Где его встретишь в наше время? Ну что ж, может быть, переплетная мастерская только что открылась... А что, полезная вещь...

Она взлетела по лестнице, вбежала в квартиру, закрыла за собой дверь и, даже не переодевшись, прямо в прихожей развязала шпагат и развернула пакет.

В первый момент Надежда Николаевна испытала легкое разочарование. Внутри пакета оказалась потертая книжка с выцветшими, пожелтевшими от времени страницами. Надежда включила свет и прочитала на обложке имя автора и название книги: «Станислав Подгорецкий. “Сокровище чародея”».

Она пролистнула несколько первых страниц... и поняла, что перед ней – та самая книга, которую она нашла в квартире у матери. Та самая книга, которую ей давным-давно дал почитать Петя Квадратов, ныне покойный. Даже дважды покойный – потому что настоящий Петя Квадратов погиб вместе с родителями много лет назад, а тот человек, который выдавал себя за него, умер на днях, а точнее, был убит на глазах Надежды.

Чтобы проверить догадку, Надежда Николаевна достала старинную книгу из своего самодельного тайника на лоджии, приложила к ней ту, что была в пакете...

Все точно. Обложка идеально подошла, и страницы были именно те, которых не доставало!

Надежда села за стол и прочла несколько страниц...

Время шло, и Лиза уже решила прекратить слежку за жильцом, поскольку никакого прока от нее не было. Но именно в этот день кое-что произошло, кое-что изменилось в распорядке Николая Савельича.

А именно – ему принесли письмо. Принесли утром, во время завтрака.

Николай Савельевич распечатал письмо, вскочил из-за стола и бросился в свою комнату.

– Сударь, вы не закончили завтрак! В моем доме так не принято! – крикнула ему вслед Ксения Борисовна, но жилец не обратил на ее слова внимания.

Лиза, которая к тому времени уже поела, тихонько выскользнула из-за стола, пока тетушка смотрела в другую сторону, выбралась в коридор и подкралась к комнате жильца.

Из-за двери тянуло дымом, как будто внутри кто-то курил. Хотя Лиза знала, что Николай Савельевич не курит, да и тетушка Ксения Борисовна строжайше запрещала курить в комнатах, опасаясь пожара.

Прошло не более трех минут, как жилец стремительно вышел в коридор, на ходу надевая пальто. Лиза едва успела спрятаться за тетушкин сундук.

Николай Савельевич запер дверь своей комнаты и вышел из дому.

Лизе не терпелось узнать, куда он направился, но не меньше того она интересовалась запахом дыма. Поэтому, едва жилец покинул дом, она проникла в его комнату.

Сделать это было нетрудно, поскольку у тетушки имелись ключи от всех комнат, и она за этими ключами не очень следила.

Проникнув в комнату, Лиза тут же поняла, откуда пахло дымом: на столе стояла тарелка, в которой догорал сложенный вчетверо лист почтовой бумаги. Несомненно, это было то самое письмо, которое жилец получил за завтраком.

Лиза схватила обгоревший листок, задула огонь и попыталась развернуть письмо... К сожалению, оно почти полностью сгорело, девочка смогла различить только несколько чудом уцелевших слов: «Известная вам тайна...», «...непременно сегодня до полудня...» и еще: «В доме Костровых...»

Слова «Известная вам тайна» заставили Лизино сердце биться от волнения. Она так и думала, что Николай Савельевич хранит какую-то тайну! Скорее всего, тайну пиратского сокровища, как в той английской книжке!

Про дом Костровых тоже все было понятно – наверняка имелся в виду удивительно красивый особняк графов Костровых, расположенный совсем недалеко от тетушкиного домика.

И наконец, «непременно сегодня до полудня» наверняка обозначало время, назначенное неизвестными людьми Николаю Савельевичу. Вот, значит, куда он так заторопился.

Лиза тихонько выскользнула из комнаты, закрыла дверь на ключ, надела теплый капор и новую пелеринку и незаметно ушла из дому, пока тетушка занималась хозяйственными хлопотами.

Николай Савельевич опередил Лизу не меньше чем на четверть часа, однако она ничуть не огорчилась: девочка как свои пять пальцев знала все переулки и проходные дворы Коломны и очень быстро добралась до особняка Костровых.

Она подошла как раз вовремя, чтобы увидеть, как с другой стороны к тому же особняку подходит Николай Савельевич. Однако тетушкин жилец подошел не к главному крыльцу, а к неприметной боковой двери.

Должно быть, у Костровых его ожидали, потому что эта дверь тут же открылась, выглянула молоденькая горничная и поманила Николая Савельевича. Тот опасливо огляделся по сторонам и скрылся в особняке.

Лиза задумалась, как бы тоже пробраться внутрь.

В эту минуту к той же двери подошла румяная девушка немногим старше Лизы, с корзинкой в руке и кувшином на плече. Должно быть, это была прислуга, вернувшаяся с рынка.

Девушка замешкалась перед дверью и поставила кувшин на землю, чтобы открыть дверь.

Лиза тут же подскочила к ней и проговорила:

– Помочь?

– А ты кто такая?

– А я новенькая, меня только сегодня наняли.

– Кто – Марфа Саввична?

– Она самая! Ух и строга!

– Что есть, то есть... ну, коли так, бери кувшин.

Лиза ловко подхватила кувшин и вместе с прислугой вошла в дом.

Они оставили покупки на кухне, и Лиза тут же незаметно проскользнула на господскую половину.

Она проходила по анфиладе комнат, стараясь не попадаться никому на глаза, как вдруг услышала приближающиеся шаги.

Лиза юркнула за бархатную портьеру и едва не вскрикнула от испуга: рядом с ней сидела в кресле очень красивая женщина в пышном бархатном платье.

– Ох, извините, сударыня... – пролепетала Лиза, попятившись. – Я заблудилась... мне Марфа Саввична велела отнести в комнаты... велела отнести...

Она не успела придумать, что ей велела отнести строгая Марфа Саввична, и замялась. Однако незнакомка в кресле никак не показала своего к ней отношения, и вообще не шелохнулась.

«Спит она, что ли?» – подумала Лиза.

Однако глаза странной женщины были широко открыты, она смотрела прямо на Лизу – но как будто не замечала ее.

– Что с вами, сударыня? – испуганно пролепетала Лиза.

Женщина молчала и не шевелилась. Больше того – Лиза не заметила, чтобы она хоть раз моргнула, она, кажется, даже не дышала.

Лиза сделала маленький шаг вперед и дотронулась пальцем до руки незнакомки...

И снова та не шелохнулась.

А рука ее была холодной и гладкой, как... как у статуи.

Сперва Лиза подумала, что незнакомка мертва, и очень испугалась, но потом вспомнила, как тетушка водила ее в Апраксин двор покупать новые ботинки.

Там, в окнах больших магазинов, стояли нарядно одетые дамы, совсем как живые. Но не живые – тетушка объяснила Лизе, что это манекены, сделанные из гуттаперчи и воска и предназначенные для того, чтобы представлять публике модные платья.

Так вот, эта красивая дама тоже, наверное, была манекеном, только куда лучше, чем те, в Апраксином дворе. Потому что тех только издали можно было принять за живых женщин, вблизи же было видно, что они больше похожи на больших кукол. Эта же дама была совсем как живая. И очень красивая.

Только было Лиза разобралась с незнакомкой и успокоилась, как совсем рядом раздались шаги и голоса. И эти шаги и голоса, несомненно, приближались.

Лиза заметалась, думая, куда бы спрятаться.

Заметив в углу шкаф красного дерева, она открыла дверцу, юркнула внутрь и замерла, невольно вспомнив книгу «Остров сокровищ». Там мальчик Джим подслушал важный разговор, спрятавшись в укромном месте. Чем она хуже?

Едва Лиза успела спрятаться, как портьеру отдернули, и в комнату вошли два человека.

Лиза выглянула из своего укрытия через щелку и увидела, что одним из них был Николай Савельевич, второй же – высокий дородный мужчина в дорогом английском сюртуке, с темными волосами и маленькой бородкой клинышком.

– Так что же мне прикажете делать? – озабоченно проговорил Николай Савельевич.

– На-адо подумать, – ответил его спутник, растягивая слова. – Поду-умать и посовето-ваться...

Он подошел к неживой женщине в кресле и проговорил заботливым голосом:

– Какого ты мнения, душа моя? Господин Зарубин очень обеспокоен. А что ты думаешь обо всем этом?

Неживая женщина, разумеется, ничего не ответила и даже не шелохнулась, но господин с бородкой сделал вид, что чрезвычайно внимательно ее слушает, склонив голову к левому плечу. Наконец он кивнул и повернулся к Николаю Савельевичу:

– Софи считает, что у вас нет никаких оснований для беспокойства. Но если вы все же волнуетесь, я могу предложить вам очень хороший выход...

Он не закончил свою фразу и вдруг наклонился к неживой женщине, как будто прислушиваясь.

– Ну, если вам так угодно...

С этими словами он взялся за спинку кресла и толкнул его вперед. Кресло оказалось не простое, а на колесиках, и поехало. Господин с бородкой выкатил его из комнаты, Николай Савельевич последовал за ним, продолжая разговор.

Лиза хотела было отправиться следом, но шкаф, как назло, не открывался. Она пробовала и так, и этак, но ничего не выходило – должно быть, замок случайно зашелкнулся, и открыть его можно было только снаружи.

Лиза расстроилась и перепугалась. Сколько она может просидеть в этом шкафу, пока кто-нибудь ее не выпустит? Час? Другой? Целый день? Сколько можно прожить без еды и питья? А есть ведь и другие насущные потребности... Кроме того, тетушка наверняка заметила ее отсутствие и беспокоится...

Лиза присела на что-то, подперла щеку кулаком и приготовилась к долгому ожиданию. Ожиданию чего? Медленной, мучительной смерти от голода и жажды? Или ожиданию кого-то, кто придет, чтобы выволить ее из этого шкафа?

Тут в комнате снова слышались шаги.

Лиза припала к щелке и увидела ту девушку, которая помогла ей проникнуть в дом.

Та вытирала пыль, вполголоса что-то напевая.

– Эй, подружка, выпусти меня! – прошептала Лиза.

Горничная остановилась и завертела головой, прислушиваясь. Потом продолжила уборку – видимо, решив, что шепот ей слышался.

– Выпусти! – снова, уже погромче окликнула ее Лиза. – Я здесь, в шкафу!

Горничная снова остановилась, прислушалась и подошла к шкафу.

– Я здесь! – повторила Лиза.

Девушка перекрестилась:

– Сгинь, нечистый! Во имя Отца и Сына...

– Да я это, я! Новенькая! Мы с тобой встретились, когда ты с рынка шла!

– Правда, что ли, это ты? Побожись!

– Вот ей-богу, я!

Горничная опасливо отодвинула щеколду, открыла шкаф и, увидев там Лизу, удивленно заморгала:

– Ты что тут делаешь? Ты вообще как сюда попала?

– Ох... – Лиза перевела дыхание и попыталась придумать какую-нибудь правдоподобную историю. – Я тут пыль вытирала, решила заодно в шкафу вещи перетряхнуть, залезла в шкаф, а дверца захлопнулась...

– Ты врешь да не завирайся! – оборвала ее горничная. – Ты же здесь первый день, кто тебя в комнаты пустил? И что это тебя в шкаф понесло? Никак хотела хозяйскими платьями полюбоваться?

– Было бы на что смотреть! – фыркнула Лиза и вдруг выпалила: – А я тут мертвую женщину видела! Сидит в кресле и не шевелится! Мертвая, а как живая! И очень красивая.

Горничная оглянулась на дверь и прижала палец к губам:

– Тсс! Точно, есть тут такая женщина... только не нужно про это говорить, а то тебя живо уволят.

– Так что, она правда мертвая?

– Не знаю, мертвая или нет, но только она здесь самая главная. Хозяин про все у нее спрашивает. И к гостям ее в кресле вывозит как хозяйку дома. А еще... я тебе еще кое-что могу сказать, только если пообещаешь не проболтаться.

– Вот те крест! Я – могила!

– Ну смотри, если проболтаешься!

Девушка снова оглянулась на дверь и перешла на страшный шепот:

– Я один раз видела, как она ожила!

– Кто – та женщина в кресле?

– Да! Она одна была в комнате, меня не видела, а потом вдруг встала со своего кресла и подошла к зеркалу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.